

Понятие преступления и институтов общей части традиционного уголовного права Китая

О. Г. Моисеева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: moi.seeva@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия преступления и других институтов общей части уголовного права, которые нашли закрепление в современных кодексах. Для китайского традиционного права, как и для правовых систем других государств, характерно отсутствие на законодательном уровне определения и фиксации понятийного аппарата.

Для китайской исторической традиции характерна отсылка к тому факту, что уголовные законы появились в глубокой древности. Фактически это произошло лишь в VI-V вв. до н. э. С VI в. (правление династии Суй) начинается создание династийных кодексов. До появления кодексов институты уголовного права в той или иной степени могут быть проанализированы на основе положений работ китайских мыслителей и философов, династийных хроник.

Центральное место в династийных кодексах занимали нормы уголовного права. Первым кодексом, дошедшем до наших дней, является уголовный кодекс Тан – «Уголовные установления Тан с разъяснениями» (Тан люй шу и) 653 г. Анализ положений кодекса Тан позволяет получить представление о подходах законодателей к разработке понятийного аппарата общей части уголовного права. В кодексах нашли закрепление такие институты, как субъект и объект преступления, соучастие, покушение на совершение преступления, формы вины и т. д.

В статье делается вывод, что идеи конфуцианства оказали огромное влияние на развитие правовой системы, в том числе и на разработку понятий общей части уголовного права. Конфуцианские постулаты способствовали складыванию представления о преступлении в первую очередь как о проявлении преступной воли человека. Законодательство устанавливало ответственность и в том случае, если было наличие только преступной воли, и отсутствовали какие-либо действия, направленные на ее реализацию.

Ключевые слова: история права, преступления, Китай, конфуцианство.

The Concept of Crime and Institutions of the General Part of Traditional Criminal Law of China

О. Г. Моисеева

Altai State University

61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: moi.seeva@mail.ru

The article considers the concept of crime and other institutions of the general part of criminal law, which are enshrined in contemporary codes. Chinese traditional law, as well as the legal systems of other states, is characterized by the absence of a definition and fixation of the conceptual apparatus at the legislative level.

The reference to the fact that criminal laws appeared in ancient times is inherent to the Chinese historical tradition. In fact, they appeared only in the 6th-5th centuries BC. From the 6th century (the reign of the Sui dynasty), the creation of dynasty codes begins. Before the appearance of the codes, the institutions of criminal law, to a greater or lesser extent, can be analyzed on the basis of the provisions of the works of Chinese thinkers and philosophers, dynasty chronicles.

The central place in dynasty codes was occupied by the norms of criminal law. The first code that has survived to this day is the Tang Criminal Code - "Tang Criminal Regulations with Explanations" (Tang lü shu yi) of 653. An analysis of the provisions of the Tang Code allows us to get an idea of the approaches of legislators to the development of the conceptual apparatus of the general part of the criminal law. The codes enshrined such institutions as: the subject and object of a crime, complicity, an attempt to commit a crime, forms of guilt, etc.

The article concludes that the ideas of Confucianism had a huge impact on the development of the legal system, including the development of concepts of the general part of the criminal law. Confucian postulates contributed to the development of the idea of a crime as, first and foremost, a manifestation of a person's criminal will. The legislation established liability even if there was only a criminal will, and there were no actions aimed at its implementation.

Key words: history of law, crimes, China, Confucianism.

Китайская историческая традиция связывает появление первых уголовных законов с глубокой древностью. Но фактически законодательные акты, в которых закреплялись преступления и наказания за их совершение, появились лишь на рубеже VI-V вв. до н. э.

Для китайского права характерно создание династийных кодексов, в которых значительную по содержанию часть составляли нормы уголовного права. Первым уголовным кодеком, сохранившимся до наших дней, стал Уголовный кодекс династии Тан (653 г.). Основой его стала «крупная работа по классификации и систематизации законов, созданная по приказу императора Вэнь-ди из династии Суй» [Елисеевф 2007: 336]. В период правления основателя династии Тан (которая правила после Суй), императора Ли Шиминя группа юристов во главе с Фан Сюань-лину и Чансунь У-цзи составила династийный кодекс Тан, получивший название «Уголовные установления Тан с разъяснениями» (Тан луй шу и). Именно «Тан луй шу и» сыграл ключевую роль в процессе нормотворчества в старом Китае [Ахметшин 2005: 7].

Следующим династийным кодексом стало составленное в 960-963 гг. (в период правления династии Сун) «Исправленное и пересмотренное собрание уголовных законов». Традиционно в законодательстве Сун нашли закрепление положения ранее принятых династийных кодексов, и прежде всего кодекса Тан.

Также очень известным памятником китайского права является разработанный в конце XIV в. «Свод законов династии Мин» (Да Мин луй). Китайские историки права оценивали его как высшую ступень в развитии китайского законодательства дореспубликанского периода [Законы 1997: 35].

Примером последнего династийного кодекса являются законы династии Цин, созданные в XVIII в. Данные законы также базировались на традиционных положениях китайского права, выработанных в период правления династий Суй, Тан, Сун и Мин. Нормы уголовного права содержались в «Основных законах и постановлениях Великой династии Цин» (Дацин луйли), законодательство Цин о преступлениях и наказаниях действовало до 1912 г. Для династийных кодексов характерна древность основных положений. «Китайское уложение составляет плод освященных трудов поколений древности, в которые прошлые династии последовательно вносили усовершенствования, указываемые самой жизнью или же изменения, требуемые политическими обстоятельствами эпохи» [Козлов 1899: 18]. Составление династийных кодексов становится правовой традицией, определяющей основные направления развития правового регулирования общественных отношений средневекового Китая. В таких сводах законов костяк норм создавался основателем династии (со временем эти нормы приобретали черты божественных установлений), а его преемники расширяли и дополняли этот костяк своими постановлениями [Самигуллин 2021: 122]. В значительной мере и сам подход к понятию преступления и других институтов общей части уголовного права базировался на тех постулатах и подходах, которые были заложены в глубокой древности.

Для китайского права характерно то, что в нем особое положение занимали нормы административного и уголовного права. Н. А. Крашенинникова, характеризуя развитие традиционного права Китая, подчеркивает, что оно развивалось в основном как уголовное право, нормы которого пронизывали сферу гражданских, брачно-семейных и других отношений [Крашенинникова 1994: 54]. Аналогичной точки зрения придерживается и Цзинфэн Чжан: «Уголовный закон находился над другими законами. Сами названия «наказание» и «уголовное право» использовались как альтернативные имена юриспруденции» [景峰, Цзинфэн 2005: 2].

Развитие китайского права происходило при огромном влиянии конфуцианства и легизма как на понятийный, так и на содержательный аспект, в том числе и уголовно-правовых норм. Подчеркивая влияние конфуцианства на содержание династийных кодексов, в частности кодекса Тан, А. А. Дельнов писал, что за «мировоззренческую основу кодекса были приняты представления о мировой гармонии, о космической роли человека, ... и, разумеется, конфуцианство во всем его объеме» [Дельнов 2008: 279]. Характеризуя Танский кодекс, Х. Ян отмечал: «благодаря разработке «Десяти зол» и «Восьми причин для обсуждений», этот кодекс преобразовал конфуцианскую этику и моральные нормы в конкретные правовые положения, которые не только создали целостную правовую систему, но и оказали глубокое влияние на законодательство стран Восточной Азии» [杨, Ян 1937: 112]. Воздействие морально-этических постулатов конфуцианства на право Китая привело также к тому, что в сферу действия норм уголовного права попали не только нарушения уголовно-правовых запретов, но и другие правонарушения: административные, семейные и т. д.

Основные положения уголовного права Китая до появления кодексов нашли отражение в династийных хрониках, работах древнекитайских мыслителей, философов, историков, в частности в труде китайского историка Сыма Цяня (135-86 гг. до н. э.) - «Ши цзи» («Исторические записки»).

Для работ китайских мыслителей древности характерно отсутствие четких понятийных конструкций. Так, в «Ши цзи» не содержится понятие преступления, но вместе с тем прослеживаются отличия между преступлением и проступком.

Субъектом преступления по традиционному праву Китая являются только физические лица. При этом они могут находиться или в свободном, или в зависимом статусе. «В традиционном китайском праве лица – субъекты права рассматривались исключительно с точки зрения их принадлежности к тому или иному сословию ... В разное время они именовались по-разному. В период Хань и Тан: ши жэнь – служилое и ученое сословие, шу жэнь – простолюдины и рабы; при Тан-Цин – чиновничество, лица, имеющие ранги ю гуань, простолюдины – фаньжэнь и различные группы людей, лишенных личной свободы, и рабы. Существовало деление всего населения на две группы – людей лично-

свободных (лянжэнь) и лично несвободных (цзяньжэнь)» [Духовная культура 2009: 387]. Данный подход сохранился и в последующие века развития китайского уголовного права. Современное же уголовное право КНР расширило круг субъектов уголовного права, включив в него не только физических, но и юридических лиц.

Объектом преступного посягательства по традиционному праву Китая является жизнь, здоровье, имущество частного лица, а также государственный строй. В. Г. Графский среди объектов преступного посягательства выделяет не только государственный порядок или человека и его имущество, а «прежде всего ритуал межличностного и межгруппового общения (этiquet), нарушение которого ... могло при желании законодателя обрастать расширительными толкованиями» [Графский 2000: 354]. Е. Алибастер в работе «Заметки и комментарии на китайское уголовное право» разделил все преступления на две группы: против государства и против частных лиц. Среди объектов преступных посягательств он выделял: императора (его жизнь, здоровье, имущество); государственные, властные институты; порядок отправления правосудия; общественную нравственность и здоровье; жизнь, свободу и честь, имущество частных лиц и т. д.

В уголовном праве Китая при оценке поступка человека на первый план выступала его этическая сторона, и прежде всего внутреннее намерение человека, также имела значение правовая сторона поступка – внешнее поведение человека. При характеристике преступления именно внутренняя мотивация поведения имела превалирующее значение.

В древности, в период правления династии Хань, на основе постулатов конфуцианства начинает складываться учение о формах вины. В 120 г. до н. э. на законодательном уровне было признано, что именно преступная воля является определяющей при признании деяния преступлением и назначении наказания за его совершение. Наличие или отсутствие умысла позволяло выделять преступления предумышленные и совершенные по ошибке. Если человек осознавал характер своих преступных действий, то в таких случаях преступления относились к предумышленным. В случае совершения преступных деяний без умысла можно говорить о преступлениях, совершенных по ошибке. Чжан Пэй (юрист династии Цзинь (265-419 гг.)) следующим образом характеризовал два вида преступлений: «Если преступники знали закон и нарушили его, то это называется предумышленным преступлением, если они считали, что поступают правильно, то это называется ошибкой» [Кычанов 1986: 39]. Таким образом, наличие или отсутствие умысла приводило к тому, что одни преступления были предумышленными, другие – совершенными по ошибке. В качестве доказательства предумышленного преступления выступало наличие плана преступного посягательства.

Начиная с династийного кодекса Тан стала использоваться более разнообразная градация преступных посягательств, в зависимости от формы вины выделялись 4 группы. Предумышленными (моу) считали преступления, если было доказано наличие предварительного плана его совершения. Следующая группа – преднамеренные преступления (гу), в таком случае не было предварительно разработанного плана, но было намерение совершить деяние, нарушающее закон. Кроме того, выделялись случайные преступления (го ши), данные деяния совершены были неумышленно, из-за стечения обстоятельств. И последняя группа – преступления (ши), совершенные по ошибке. В отличие от современного уголовного права под понятие преступления подпадали и случайные действия (казус), которые сейчас являются ненаказуемыми.

Для предумышленных преступлений кроме составления плана также требовалось наличие предварительного сговора двух и более лиц. Цзюань 17 Уголовных установлений Тан закреплял: «Теми, кто замыслили предумышленное убийство, являются два человека и более. Если дело уже раскрыто и желание убить не является ложным, то хотя пусть это будет и один человек, он также одинаково наказывается по закону об умысле, составленном двумя людьми» [Уголовные установления 2005: 53]. Таким образом, в китайском праве для наличия заговора требовалось два человека и более. Если обстоятельства заговора и его цели были очевидны, то и «один человек мог считаться за двоих» [Савченко 2013: 892]. Для определения наличия умысла, то есть предвидения общественно опасного характера своих действий и желания наступления последствий, должна присутствовать не только преступная воля, но и, как правило, совершение какого-либо действия. К. С. Кенни писал: «Уголовная ответственность наступает лишь с того момента, когда преступник совершил какое-либо действие, не просто обнаруживающее у него наличие виновной воли, но предусматривающее собой шаг в направлении реализации задуманного» [Кенни 1947: 86]. Сговор, который необходим для отнесения преступлений к предумышленным, рассматривается как простое соглашение двух и более лиц между собой о совершении преступления. Данные действия китайским правом приравниваются к факту совершения преступления, поэтому «этого достаточно для того, чтобы считать участников сговора виновными в совершении преступления» [Кенни 1947: 87]. Данная характеристика наиболее полно раскрывает китайское понятие «моу».

В Уголовных установлениях Тан закрепляется ответственность за умысел, то есть за предумышленные преступления, даже если был только план, сговор, но не было действий, направленных на реализацию плана преступного деяния. Танский кодекс предусматривает ответственность за умысел измены, умысел восстания против, умысел убийства человека. В разъяснениях Цзюани 1 поясняется, что такое умысел: «умысел – значит «замыслить план» [Уголовные установления 1999: 84]. «Задумавшими измену (моу пань) называются выразившие желание отвернуться от государства и предаться фальши. В том случае, когда какие-либо люди некогда сговорились, но еще не приступили к осуществлению задуманного, а дело раскрылось, то главарь полежит удавлению, а пособники – ссылке» (Цзюань 17) [Уголовные установления 2005: 20]. В случае умысла убийства человека наказание было в виде 3 лет каторги, если были причинены телесные повреждения – удавление, при убийстве – обезглавливание.

В том случае, если изначально не было намерения осуществить противоправное деяние, и оно появилось в ходе развития неких обстоятельств, которые привели к его совершению, такие преступления считались преднамеренными

(гу). К данной категории противоправных деяний относили, например, убийство или причинение вреда во время драки. «Тот, кто убил человека во время драки, подлежит удавлению. Если же дравшийся взял нож, преступление квалифицируется как преднамеренное убийство. Таковым считается то, когда в ходе драки используется нож, благодаря которому сейчас же появилось стремление причинить пагубу. Также и в беспричинной драке, когда не было никакого повода, а убил. Эти преступления именуются предумышленным убийством» (Цзюань 21) [Уголовные установления 2005: 141]. К признакам преднамеренного убийства можно отнести: то обстоятельство, что не было первоначального умысла; возникновение умысла во время драки, когда преступник достал нож; отсутствие мотива для убийства.

В Цинском кодексе Дацин люлю сохранилось деление преступлений на преднамеренные (с заранее обдуманным намерением) и предумышленные. Если убийство не было заранее задумано, оно рассматривается как сознательное и преднамеренное лишение человека жизни, но не считается предумышленным [Алебастер 1903: 175].

Самым существенным критерием выделения преднамеренного преступления является то обстоятельство, что проходит крайне малый отрезок времени между составлением плана совершения противоправного деяния и реализацией его. То есть при разграничении предумышленных и преднамеренных преступлений главный фактор – временной.

Две другие группы преступлений: неосторожные (случайные) и преступления по ошибке не получили столь детальной разработки и регламентации ни в уголовной теории, ни на уровне законодательного закрепления. Характеризуя случайное убийство, Е. Алебастер пишет, что «оно произошло действительно совершенно случайно, и было бы ничем неотвратимо, чтобы самое зоркое наблюдение, полное внимание, надлежащая забота и благоразумие не могли бы предотвратить случайности». Также для случайного преступления характерно, что не было ни малейшего намерения причинить какую-либо обиду, и чтобы вред произошел совершенно нечаянно, ненароком [Алебастер 1903: 157].

Убийство отцом сына по неосторожности считалось менее тяжким преступлением, чем отца сыном. Современное уголовное законодательство, УК КНР 1997 г. в статье 15 устанавливает положение, согласно которому ответственность за преступление по неосторожности наступает только в случаях, указанных в законе.

Танские установления в Цзюани 23 при характеристике преступления, совершенного по ошибке, указывали на то, что преступник «не видел, не слышал и не мог подумать» [Уголовные установления 2005: 228]. Ошибочный характер действий преступника при определении наказаний за убийство и нанесение телесных повреждений не учитывался судом [Крашенинникова 1994: 56]. «Всякому, кто во время нанесения побоев в драке по ошибке убил стороннего человека ... наказание определяется как за убийство» (Цзюань 23) [Уголовные установления 2005: 238]. В Разъяснениях к статье 336 говорится, что в данном случае изначально имелось намерение нанести вред, и поэтому действия преступника не могут рассматриваться как нечаянные.

По мнению Е. И. Кычанова суть ошибки заключалась в неведении [Кычанов 1986: 43]. В Цзюани 1, в Разъяснениях говорится о последствиях совершения преступления по ошибке. Для таких преступников предусматривался откуп от наказания. Те, кто совершил преступление по ошибке, отдают металл, чтобы откупиться от наказания за такое преступление.

В китайском праве нет четкой и детальной фиксации понятийного аппарата и формальной определенности преступлений в зависимости от форм вины, присутствуют такие категории, как предумышленность, преднамеренность, неведение, ошибка и т. д. В диспозициях особенной части УК КНР такие понятия, как умысел и неосторожность, встречаются крайне редко. Обычно в нормах содержится указание на психологические характеристики конкретного поведения, такие как «сознательное», «намеренное», «с целью», «по недоразумению» и т. д. [Кораблева 2023: 77].

Право Древнего Китая, на примере закрепления положений в «Ши цзи», предусматривает ответственность только за действие. Более поздние памятники права Китая (династийные кодексы) под преступлением понимают не только общественно опасное действие, но и общественно опасное бездействие. Например, стражник знал, что нельзя, чтобы кто-либо проникал на охраняемую территорию, но позволил это сделать. «Самовольный вход в ворота императорского храма предков. Преднамеренно попустительствовавший преступнику получает то же самое наказание, что и преступник» (Цзюань 7) [Уголовные установления 1999: 292].

Также традиционное право Китая закрепляло случаи освобождения от уголовной ответственности. Например, если при задержании преступник оказывал сопротивление и был убит, стражник не наказывался за убийство. Чиновники должны были являться во дворец императора в отведенное время, но если чиновник явился к императору в неподложенное время с известием о мятеже, то он не привлекался к ответственности.

Для китайского традиционного права характерно отсутствие такого института, как необходимая оборона. В случае, если сын или внук совершили преступления, защищая жизнь, здоровье своих родственников: отца, деда, матери, бабки, они освобождались от ответственности. Обосновывалось это отсутствием преступной воли, которая должна быть при наказании преступника. Кроме этого в «Ши цзи» указывается обстоятельство, которое исключает преступность деяния, а именно исполнение приказа или распоряжения [Мазуркевич 2013: 26]. Также освобождался от ответственности слуга, если он совершил преступление по приказу своего господина.

Китайское право устанавливало ответственность за совершение преступления группой лиц. «Совершившими групповое преступление называются два человека и более, сообща совершившие преступление. Тот, кто первым задумал его, считается главарем, прочие считаются пособниками» (Цзюань 5) [Уголовные установления 1999: 237]. Для современного уголовного законодательства характерно закрепление понятия соучастия. Соучастие – это совместное умышленное участие двух и более лиц в совершении преступления. Статья 26 УК КНР устанавливает, что

главарь – это организатор, руководитель преступной группы, либо лицо, играющее главную роль в соучастии в преступлении.

Среди других институтов общей части уголовного права можно выделить покушение на совершение преступления. В «Ши цзи» описан следующий случай: «... Гао Цзянь, положив внутрь своего инструмента свинец, подошел к правителью и, подняв гусли, ударил ими Цинь Ши-хуана, но промахнулся. Гао Цзянь-ли был казнен» [Сыма Цянь 2003: 46].

Общее правило предусматривало установление более мягкого наказания за покушение на преступление. Это правило не действовало в отношении покушения на совершение тяжких преступлений. Смертная казнь в качестве наказания была предусмотрена как за покушение на совершение преступление против государства, так и за оконченное преступление. Например, при покушение на убийство предусматривалось наказание в виде удушения, а при оконченном преступлении – в виде обезглавливания. В статье 257 устанавливается ответственность за покушение на вызволение (освобождение) арестанта.

Уголовные установления Тан устанавливали ответственность за повторное совершение преступления, общее правило предусматривало более тяжкое наказание.

Существенное значение при привлечении к ответственности имел возраст и состояние здоровья преступника. Если преступник был старше 70 лет или младше 15 лет, или был инвалидом фейцзи (лишенные одной конечности, слабоумные, глухонемые), и совершил преступление, за которое предусматривалось наказание ссылкой или более легкое, Уголовные установления Тан предусматривали откуп от наказания.

Также было возможно назначение более легкого наказания в случае совершения самых тяжких преступлений: Восстание против, Великая строптивость, убийство, если преступник был старше 80 лет либо младше 10 лет, либо инвалид дуцзи (слепые на оба глаза, лишенные двух конечностей). Общее правило предусматривало наказание в виде смертной казни, но для данных категорий лиц возможно было смягчение наказания в результате подачи прошения на Высочайшее имя, если невозможно помилование. В случае совершения данными категориями иных преступлений: хищение, нанесение телесных повреждений – вместо наказания предусмотрен откуп. В данном случае Уголовные установления считают невозможным освобождение от наказания, так как было проявление преступной воли. При совершении других преступлений наказание вообще не предусматривалось.

Третья группа преступников по возрасту – старше 90 лет и младше 7 лет. Данные лица, даже в случае совершения тяжких преступлений, за которые устанавливается ответственность в виде смертной казни, не подлежали наказанию. Уголовное законодательство Цин также закрепляло, что дети до 7 лет не подвергаются наказанию. С семилетнего возраста дети предаются суду, но им дозволено откупаться от ссылки и прочих наказаний; в случае воровства у них отымаются краденые предметы для возвращения их владельцу [Бичурин 1848: 20].

По мнению А. И. Чучаева и А. И. Коробеева, «в основе выделения смягчающих наказание обстоятельств лежали конфуцианские максимы, согласно которым необходимо было оказывать особое отношение к престарелым, проявлять сострадание к детям, беременным женщинам и т. д. [Чучаев 2022: 122]. Смягчение наказания было предусмотрено за убийство ночью в своем доме человека, в том случае, если собственник дома знал, что человек проник в дом не с целью нанести ущерб. В качестве примера причин проникновения приводятся следующие случаи: человек заблудился, ошибся, был пьяным, старым, малым, больным или женщиной. Наказание смягчалось на 2 степени.

Традиционное китайское право, также как и право других государств, не характеризовалось детальной разработкой основных понятий, характерных для общей части современного уголовного права. В династийных кодексах не закреплено понятие преступления. Несмотря на это, можно отметить, что для китайского права характерен подход к преступлению прежде всего как к проявлению преступной воли. «Понятие преступления в законодательстве трактовалось как проявление преступной воли человека, его низости, а духовное состояние виновного обуславливало тяжесть наказания» [Бичурин 1848: 75].

По традиционному праву Китая преступление – это, прежде всего, проявление преступной воли, а уже во вторую очередь противоправное действие или бездействие. Существенным моментом, присущим китайскому праву при рассмотрении понятия преступления, является то, что на первый план выступает именно субъективная сторона преступления.

Е. И. Кычанов называет преступным действие, запрещенное законом во время его совершения под страхом наказания [Кычанов 1986: 38]. Гораздо более широкую трактовку преступления предлагают А. Э. Черноков, И. И. Царьков. А. Э. Черноков в монографии «Сравнительное правоведение» подчеркивает, что «совершение преступления нарушало не только социальный порядок, но и космический» [Голубева 2020: 519]. Преступление могло посягать на установленный миропорядок в целом или на гармонию, порядок, сложившийся в отдельной социальной группе. Об этом писал У. Джонсон: «Имеются такие люди, страсти которых не обузданы, и которые поступают глупо, такие, чьи знания ничтожны и которые преступно нарушают законы. Если они занимают высокое положение, то они разрушают весь мир, а если они занимают низкое общественное положение, то они нарушают порядок своей собственной социальной группы» [Джонсон 1979: 49].

И. И. Царьков характеризует преступление как то, что не соответствует дозволенному. «Следовательно, недозволенным поведением является такое, которое отклоняется от правильного пути или является препятствием в достижении поставленных властью целей... Таким образом, любое отклонение от Дао может считаться преступным деянием» [Царьков 2010: 1484].

Широкая трактовка понятия преступления была характерна и для других древних цивилизаций. Преступление с точки зрения официальной религиозно-политической идеологии Древнего Египта – деяние, которое преступает границы нормальности, разрушает нормальное устройство мира и нормальное течение жизни, причиняет зло живым существам и даже губит их, но вместе с тем является необходимым для существования мира [Томсинов 2011: 472].

Таким образом, преступление по традиционному праву Китая – это проявление преступной воли, нарушение установленных в обществе норм, правил поведения (ли), которое посягает на социальный порядок и гармонию мироздания, государства, общества, семьи.

Приоритет субъективной стороны в составе преступления оказал влияние на правоприменительную практику Китая:

- как правило, наказание за оконченное преступление и покушение на совершение преступления было менее строгим, за исключением случаев совершения преступлений против государства и других особо тяжких деяний;
- главарь, то есть лицо, замыслившее совершение преступления, наказывался более сурово, чем другие соучастники;
- для признания преступления, совершенного группой лиц, должно быть установлено наличие предварительногоговора;
- при назначении наказания учитывались: намерения преступника, внешние обстоятельства совершенного преступления, социальное положение преступника и потерпевшего [Скакун 2008: 404];
- на степень тяжести преступления и наказание влияло положение как преступника, так и потерпевшего в системе кровнородственных, семейных отношений. Как самое тяжкое преступление рассматривалось убийство родителей, деда, бабки. Менее тяжким считалось убийство дяди, тети, старшего брата. Лишение жизни жены, младшего брата относились к незначительным преступлениям. А убийство детей или внуков было вообще ненаказуемо.

Литература

- Алебастер Е. Заметки и комментарии на китайское уголовное право. Владивосток, 1903.
- Ахметшин Н. С. История уголовного права КНР. М., 2005.
- Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и правовом состоянии. Ч2. СПб., 1848.
- Голубева Л. А., Черноков А. Э., Честнов И. Л. Сравнительное правоведение. Гатчина, 2020.
- Графский В. Г. История государства и права зарубежных стран. М., 2000.
- Дельнов А. А. Китай. М., 2008.
- Духовная культура Китая в 5 т. Т. 4. М., 2009.
- Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений Ч. 1. М., 1997.
- Елисеев В., Елисеев Д. Цивилизация классического Китая. Екатеринбург, 2007.
- Кенни К. С. Основы уголовного права. М., 1947.
- Козлов С. В. Китай. Гражданское и уголовное законодательство. СПб., 1899.
- Кораблева С. Ю. Вина в уголовно-правовой теории и практике зарубежных стран. М., 2023.
- Крашенинникова Н. А. История права Востока. М., 1994.
- Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
- Мазуркевич А. К. Уголовное право Древнего Китая: попытка реконструкции по историческому источнику «Ши Цзи» / Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2013. - № 6 - С. 23-30.
- Савченко Д. А. Правовая безопасность государства по средневековому законодательству Китая / Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2013. - № 5 - С. 891-897.
- Самигуллин В. К. Восток: мозаика правовых традиций. М., 2021.
- Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение. Киев, 2008.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) Т. 8. М., 2003.
- Томсинов В. А. Государство и право Древнего Египта. М., 2011.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями. Тан люй шу и. Цзюани 1-8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан с разъяснениями. Тан люй шу и. Цзюани 17-25. СПб., 2005.
- Царьков И. И. уголовная политика древних цивилизаций / Право и политика. – 2010. - № 8 - С. 1480-1492.
- Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики / Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. - 2022. - Т. 24, № 2. - С. 119–133.
- The Tang Code. T.1. General Principles, Translated with an Introduction by W. Johnson. Princeton, 1979.
- 张景峰. 中国法律传统与新时代的转型. 北京, 2005. Цзинфэн Чжан. Традиция китайского права и трансформация в новую эпоху. Пекин, 2005.
- 杨洪烈. 中国法律对东亚国家的影响. 上海, 1937. Ян Хунле. Влияние китайского права на страны Восточной Азии. Шанхай, 1937.

References

Akhmetshin, N. S. (2005). History of Criminal Law of the PRC. Moscow (in Russian).

- Alabaster, E. (1903). Notes and Comments on Chinese Criminal Law. Vladivostok (in Russian).
- Bichurin, N. Ya. (1848). China in Civil and Legal Status. Part 2. St. Petersburg (in Russian).
- Chuchaev, A. I., Korobyev, A. I. (2022). Criminal Code of China: a fusion of legal thought and national specifics. Asian-Pacific region: economics, politics, law, 24(2), 119-133 (in Russian).
- Criminal regulations of Tang with explanations. Tang lü shu and. Juani 1-8. (1999). St. Petersburg (in Russian).
- Criminal regulations of Tang with explanations. Tang lü shu and. Juani 17-25. (2005). St. Petersburg (in Russian).
- Delnov, A. A. (2008). China. Moscow (in Russian).
- Eliseeff, V., Eliseeff, D. (2007). Civilization of Classical China. Ekaterinburg (in Russian).
- Golubeva, L. A., Chernokov, A. E., Chestnov, I. L. (2020). Comparative Law. Gatchina (in Russian).
- Grafsky, V. G. (2000). History of the State and Law of Foreign Countries. Moscow (in Russian).
- Kenny, K. S. (1947). Fundamentals of Criminal Law. Moscow (in Russian).
- Korableva, S. Yu. (2023). Guilt in Criminal Law Theory and Practice of Foreign Countries. Moscow (in Russian).
- Kozlov, S. V. (1899). China. Civil and Criminal Legislation. St. Petersburg (in Russian).
- Krasheninnikova, N. A. (1994). History of Eastern Law. Moscow (in Russian).
- Kychanov, E. I. (1986). Fundamentals of Medieval Chinese Law. Moscow (in Russian).
- Laws of the Great Ming Dynasty with a Consolidated Commentary and Appendix of Resolutions. (1997). Part 1. Moscow (in Russian).
- Mazurkevich, A. K. (2013). Criminal Law of Ancient China: An Attempt at Reconstruction Based on the Historical Source "Shi Ji". Electronic Supplement to the "Russian Law Journal", 6, 23-30 (in Russian).
- Samigullin, V. K. (2021). East: Mosaic of Legal Traditions. Moscow (in Russian).
- Savchenko, D. A. (2013). Legal Security of the State under Medieval Legislation of China. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law, 5, 891-897 (in Russian).
- Sima Qian. (2003). Historical notes (Shi ji) T. 8. Moscow (in Russian).
- Skakun, O. F. (2008). General comparative law. Kyiv (in Russian).
- Spiritual Culture of China in 5 volumes. (2009). Vol. 4. Moscow (in Russian).
- The Tang Code (1979). T.1. General Principles, Translated with an Introduction by W. Johnson. Princeton.
- Tomsinov, V. A. (2011). State and law of Ancient Egypt. Moscow (in Russian).
- Tsarkov, I.I. (2010). Criminal policy of ancient civilizations. Law and politics, 8, 1480-1492 (in Russian).
- 张景峰. (2005)中国法律传统与新时代的转型. 北京. Jingfeng Zhang (2005). Tradition of Chinese Law and Transformation in the New Era. Beijing (in Chinese)
- 杨洪烈. (1937) 中国法律对东亚国家的影响. 上海. Yang Honglie (1937). The Influence of Chinese Law on East Asian Countries. Shanghai (in Chinese).

Citation:

Моисеева О. Г. Понятие преступления и институтов общей части традиционного уголовного права Китая // Юрислингвистика. – 2025 – 38. – С. 15-21.

Moiseeva O. G. (2025) The Concept of Crime and Institutions of the General Part of Traditional Criminal Law of China. Legal Linguistics, 38, 15-21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License